

Героизм и святость в аспекте православной теологии

О. К. Шевченко¹, М. А. Подлесная²

¹ Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Российская Федерация, 295007, Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

² Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Российская Федерация, 109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, 5

Для цитирования: Шевченко О. К., Подлесная М. А. Героизм и святость в аспекте православной теологии // Вопросы теологии. 2024. Т. 6, № 4. С. 642–658.
<https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.407>

Авторы статьи формулируют три универсальных постулата, касающихся связи героического и сакрального, которая характерна для любой европейской культуры от Античности до наших дней: «Герой — это всегда страдалец»; «Герой — это всегда трагическая фигура»; «Герой — это фигура, отделенная или отделяемая от общества, полиса, семьи, истории, здравого смысла». В христианстве (как в Элладе, Древнем Риме или исламе) эти постулаты приобретают смысловую значимость. Героизм осмысливается лишь как решительность и готовность к личным страданиям ради всеблагой, согласной с волей Божьей цели; как добровольное решение, вернее, понуждение самого себя к повседневному соработничеству с Божьей волей с осознанием трагического результата своего личного земного бытия. Героизм — это скорее готовность и состояние понуждения самого себя к деланию. Однако святость осмысляет страдание, придает ему глубокую содержательность и дарует утешение, которые не связаны с мирской грустью по поводу отделенности от общества или от привычного уклада жизни. Постулаты, гипотезы и промежуточные выводы проверяются на эмпирическом материале всероссийского опроса, проведенного в 2023 г. (восемь федеральных округов РФ, 1350 респондентов). Особое внимание уделяется ответам двух категорий респондентов: практикующих (551 чел.) и не практикующих (638 чел.) верующих.

Ключевые слова: герой, героизм, святой, святость, античный герой, святой подвижник христианства, свобода воли, отношение Бога и человека, отношение человека и человека.

Введение

В научной литературе существуют две противоположные точки зрения: сторонники первой из них не отделяют героизм от святости, а сторонники другой отделяют. Первые ставят конъюнкцию между героиче-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

© Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2024

ским и святым, героем и святым, героизмом и святостью, причем находят фигуры, которые стали святыми благодаря своему героизму и одновременно смогли быть героичными в силу святости своей жизни. Главным примером здесь служит житие святого благоверного князя Александра Невского¹. Сторонники второй точки зрения действительно обращают внимание на то, что героическое и святое как бытийный регламент, как траектории совершенствования человека принципиально различны, а порой и попросту противоречат друг другу. Более того, категориальный каркас при исследовании героизма и святости отличается, как сфера социального бытования героизма отлична от социальной повседневности святости, видимой мирскому глазу².

Ситуацию усугубляет крайне фрагментарно проработанная историко-этимологическая сторона вопроса. Например, очень мало публикаций, в которых прослеживались бы цепочки смыслов с точки зрения их развертывания в русском языке: «героический поступок — героическая жизнь — герой — героизм» и парные им «подвиг — подвижническая (святая) жизнь — подвижник (святой) — подвижничество (святость)». Немногочисленные исследования в этом направлении скорее возбуждают исследовательский азарт, ставят отдельные вопросы, чем решают проблему как таковую³. Так, на первый взгляд, в русском языке героизм (герой, героическое) принципиально не соотносится и не может соотноситься, например, с понятием «подвижничество». В первом случае это поступок, строго ограниченный социальным пространством, структурой бытия, связанной с насилием над другими, а во втором решающее значение имеет долгий поступок, становление и возрастание в реальности путем насилия над своим естеством. Поэтому со строгой формальной точки зрения подвиг не есть героический поступок, это различные бытийные структуры.

Однако на практике, в стихии живого употребления слов, смыслов, образов и знаков (одним словом, во всем богатстве русской семиосферы) героизм часто обозначают как подвиг, имея в виду героический поступок. Естественный язык не переубедишь. Вероятно, характерное сегодня смешение смыслов мирского и надмирного, бытийного и сакрального обосновано невероятным напряжением русского народа в XX в., которое само по себе есть историческое подвижничество, а его оборотной стороной является крайняя частотность «скорых героических поступков», особенно во время Великой Отечественной войны, несмотря на тотальный

¹ Семенов П. А. Герой и святой в русской картине мира XIII в. (к 800-летию Александра Невского) // Перевод. Язык. Культура: мат-лы XII междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 28–29 мая 2021 г. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2021. С. 6–12.

² Растимешина Т. В. Герой и святой — разнонаправленные векторы совершенствования // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки. 2010. № 1. С. 86–100.

³ Дидковская В. Г. Подвиг, подвижник, герой // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 2 (20). С. 28.

атеизм⁴. Если это так, то подобная диффузия героического и святого — не факт, свойственный русскому героизму вообще, а только специфика XX и XXI в., особая черта соответствующего хронотопа. Однако как быть с героями-святыми в образе известных полководцев, с Александром Невским или Федором Ушаковым? Как быть с очевидным тождеством подвижнического и героического в житии Александра Суворова?

1. Герой и святость в античной и христианской культуре

До XVIII в. термин «герой» в русском языке отсутствовал; с точки зрения специалистов XIX в., его следует пояснять через термин «богатырь древнейших времен»⁵ или же «витязь, храбрый воин, доблестный воитель, богатырь, чудо-воин; доблестный сподвижник вообще, в войне и в мире, самоотверженец»⁶. Был ли Александр Невский богатырем? Нет, конечно. Он был князем, а это совсем иная фигура, иной статус. Он принципиально отличается по своим поступкам, нормам морали, положению, личному мужеству от витязя как такового. Витязь — это *сподвижник*, лично храбрый, преданный и обладающий великой физической силой человек, однако обычный смертный, далекий от соприкосновения с сакральностью по характеру своей жизни. Князь — это фигура объединителя земли в пространстве и во времени (через свою родословную), это физическое олицетворение русского хронотопа власти. Он не сподвижник, а тот, кто объединяет сподвижников, и личная сила тут совсем необязательна. То же можно сказать и, например, о Федоре Ушакове — флотоводце, олицетворявшем русский флот. Значит, наше представление о них как о героях — привнесенный и вплавленный после XVIII–XIX вв. в нашу семиосферу французский элемент понятия «герой». Во французский язык это понятие проникло из древнегреческого языка через слово, обозначающее в Элладе скорее полубога, нежели обычного смертного⁷. Возникает интересный вопрос, на который у нас нет ответа: отчего же понятие «герой» мы не заимствовали напрямую через обширные греко-славянские связи? Быть может, герой, героизм и героическое не требовали словесного оформления, и было вполне достаточно подвижника и святости, а герой-богатырь — это фигурант развлекательных сказов, которые уже к XV–XVI вв. утратили, например на юге Руси, всякий смысл (известно, что в XVIII в. былины о русских богатырях не были зафиксированы этнографами и фольклористами в Южных

⁴ Минералова И. Г. Святость и героизм в лирике Великой Отечественной войны // XVIII Пасхальные чтения: мат-лы Восемнадцатой Междунар. науч.-метод. конф., Москва, 24–25 апреля 2020 г. Ярославль: Литера, 2020. С. 3–19.

⁵ Реальный словарь классических древностей / под ред. Й. Геффкена, Э. Цибарта. Тойбнер, 1914. URL: <https://rus-clasic-antiquities.slovaronline.com/2049-ГЕРОЙ> (дата обращения: 04.12.2024).

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://gufo.me/dict/dal/герой> (дата обращения: 09.12.2024).

⁷ Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. СПб.: Полиграфус-луги, 2005. С. 89.

губерниях Руси, а записаны по устным рассказам населения северо-западных и северных регионов Российской империи⁸).

Уже этот небольшой экскурс показывает, что нельзя полностью игнорировать смысловую связку «героизм — святость», так как в русском языке слишком много общего между семиосферами этих понятий. Причем зачастую подобные связи нарушают формальную логику и нечувствительны к аксиомам пространства или времени — как элементы квантовой механики, о которых следует говорить как о вероятностях, как о том, что они одновременно и существуют, и нет.

Поэтому далее мы построим свой анализ, попытавшись создать методологическую сеть двух уровней для фиксации описанной выше неравновесной динамики состояний героичности и святости.

Прежде всего, обозначим аксиоматические, как нам представляется, положения о связи героического и святого, выделив три постулата. Причем ситуацию мы будем анализировать в ее глубинных основаниях, которые заложены в нашу цивилизацию в греческом мифе и православном христианстве. Затем сравним наши аксиоматические постулаты с эмпирическим материалом социологического опроса, который проводился авторами статьи по теме героизма в 2023 г. в восьми федеральных округах Российской Федерации, включая Донецкую и Луганскую области. Массовый опрос был проведен с помощью онлайн-анкеты, в нем приняли участие 1350 чел. В соответствии с процедурой квотирования 25 % респондентов относятся к Центральному округу, 15 % — к Северо-Западному и по 10 % к остальным округам. В опросе приняли участие около 40 % мужчин и 60 % женщин. По ряду ограничений онлайн-анкетирования, которое связано со стихийной выборкой, полученные данные прошли процедуру взвешивания.

Первый постулат: «Герой — это всегда страдалец, и чем более герой страдает, тем более он герой». Герой знает о своей трагичности, но он преодолевает свое *нежелание* быть героем и тем самым совершает самый сложный героический поступок в своей жизни, ибо он страдает от знания о своем страдании еще до его начала.

Второй постулат: «Герой — это всегда трагическая фигура». Трагизм в жизненном контексте героя — это выпадение личности, тела, всей совокупности телесных, ментальных и духовных состояний героя из суетной повседневности бытия, которое и приводит его к личным страданиям и далее, через их невыносимый огонь, к созиданию нового, более дружелюбного к человеку и обществу бытия. Впрочем, расплачивается не столько герой, сколько его близкие, позволяя герою преодолевать или заканчивать свое личное бытие в темных языческих сторонах героического. Страдания из внешних препятствий становятся внутренним существом

⁸ См. подробнее: Рыжов В. А. География русских былин Киевского цикла // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/202586-geografija-russkih-bylin-kievskogo-cikla.html> (дата обращения: 04.12.2024).

героя и, достигая кульминации, порождают невыносимость бытия, которая и разрешается ужасным способом.

Идеальное воплощение первого и второго постулатов в языческом мире — фигура Прометея. Однако существуют и менее яркие типы проявления героического в человеке, что не мешает уловить их, например, в фигурах Тесея (создание совершенного социума Афин, убийство человеконенавистнического Минотавра, но гибель по его, Тесея, вине отца, неудачные отношения с женщинами, проклятие ни в чем не повинного сына) и Ясона (созидание морского могущества для эллинов и гибель под обломками собственного корабля в нищей старости). Список можно продолжать довольно долго. Указанные постулаты воплощены в любом античном герое, причем на это не влияют даже принципиальные противоречия, которые переживает эллинская теология в своей рефлексии мифологического пространства, оставляя за героем шлейф особенностей и смысловых коннотаций⁹. Оба постулата как константы присутствуют в биографии любого эллино-римского мифологического героя дохристианской эры (допускаем, что и в мифологиях Ближнего Востока, Индии или Китая; по крайней мере, они вполне применимы к судьбе Гильгамеша или Арджуны).

Трагическая страдательность как онтологическое свойство героического является принципиальной отличительной чертой античного героя, обогащенного, а вернее, властно измененного сиянием христианской веры и трансформированного в героя средневекового и далее в героя и святого в христианской культуре как таковой, т. е. чертой, отличной от современного нам культа героя. Современность в ее максимальном иконографическом выражении голливудского кинематографа рисует иного героя, крайне далекого как от античного Ясона, так и от Федора Ушакова. Современный (постмодернистский, постиндустриальный, антитрадиционный) «супергерой — это прежде всего мифический носитель божественной силы. Это обладатель таких способностей, которые позволяют ему возвышаться над обществом, над государством, над любыми земными авторитетами»¹⁰.

Указанные постулаты роднят понятие героического в его античном понимании с пониманием святости в эпоху ветхозаветных пророков. Осознание добровольного выбора, предвещающего страдания, — отличительная черта почти всех пророков, доходящая до высшей точки в случае Ионы. Пророк всегда трагичен, на его глазах распадается то, за что он боролся, и ужасы, о которых он вещал, призывая людей одуматься, зачастую материализуются.

⁹ См. об этом: *Найдыш В. М.* Эллинская теология эпохи Высокой классики // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2023. Т. 27, № 1. С. 87–91.

¹⁰ *Лосев Д. В., Маленко С. А., Некита А. Г.* Мифологическая основа жанра супергерои в американском кинематографе // Миф в истории, политике, культуре: сб. материалов III Междунар. науч. междисциплинар. конф., Севастополь, 26–27 июня 2019 г. / под ред. О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С. В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2019. С. 154.

Разумеется, героизм Античности и святость пророков не могут быть отождествлены хотя бы потому, что святость пророка — это прежде всего осеняющая пророка святость Бога, которую пророк являет всей своей онтологией, понуждая самого себя к постоянному соработничеству с волей Божией. Однако в глазах обывателя трагический, страдательный пафос античного героя и ветхозаветного пророка однозначно подобны. Быть может, человеческое естество, находясь в тенетах античного язычества, предощущало источник благодати и, запутавшись в политеизме, рвалось на свободу общения со Вседержителем, но, опутанное бытовыми обычаями и диктатом старины и придушенное магизмом, так и не обрело истину. Связь героического и святого оставалась в потенции, в некоторых вторичных для духовного видения этико-эстетических формах, так что в античную эпоху эти две онтологии остались не совмещенными.

Третий постулат: «Герой — это фигура, отделенная или отделяемая от общества, полиса, семьи, истории, здравого смысла». Таков Эдип — убивающий отца и женившийся на своей матери; таков Геракл — не царь и не подданный, не гоплит и не стратег; такова Кассандра — не глашатай истины, но и не лживая женщина, не царица, хотя нельзя сказать, что она не влиятельная персона. Герой имеет особые отношения с божеством — вне общего культа и логики современного ему сакрального. Это может быть сын бога, как Персей, а может быть сверхчеловек, как Диомед, сумевший ранить богиню Афродиту. Отделенность и особая, интимная, личная связь героя с божеством — неизбежный атрибут Античности, причем все герои становятся изгнанниками, гонимыми за свою деятельность.

Кроме того, третий постулат одновременно коренится в самой этимологии термина «святое», т. е. отделенное от мирского, не сливаемое с ним, как вода и масло. Однако героическое отделенное — это прежде всего субъективный разрыв с социальным и с эмоционально-физиологической нормой. Это субъективный рывок в область, запредельную кровно-родственному или грубо физиологическому контакту с божеством. Отделенное в христианстве — это совсем иное: освящение топоса или субъекта, служение Богу, а не попытка вступить с ним в физиологический или умственный контакт, как происходило с героями Античности. Таким образом, онтология героического в Античности и онтология христианской святости не тождественны, а лишь подобны в своей отделенности от мира. Однако разница здесь существенна, как и различие гонений на героя и на святого. Если первый гоним за насильственное уничтожение канона, порой в брутальной форме, то гонение на святого — это прежде всего гонение за исповедование Божьей истины, подобное гонению на Христа за Его благовестие.

В разные эпохи, в том числе в XX в., в респектабельной христианской Европе не раз подменялись понятия и святые герои вводились через обращение к античной онтологии героического посредством псевдохристианской риторики. Ближайший пример — настойчивая сакрализация Адольфа Гитлера пропагандистской машиной Третьего Рейха. В этой док-

трине Гитлер — герой, отделенный от общества своей уникальной жизнью и личностью; он абсолютный храбрец, бросающий вызов канонам современности; он осознает трагичность своей фигуры (в духе штампов Геббельса 1944–1945 гг., уже не адресованных населению тогдашней Германии, а ориентированных на возрождение нацизма); и он готов расплатиться за свои деяния, стать жертвой ради будущего величия арийской нации. В этой логике мы видим искусную игру с элементами мифа, с отдельными, вырванными из контекста догматами христианства, а также шулерскую подмену святости и героизма, античного политеистического героизма и христианского благочестия.

Очистительным средством для подобных идеологий и для необоснованного отождествления героизма и святости может послужить норма святости:

Будьте святы, ибо Я (Бог) свят (Лев 11:44).

Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный (Мф 5:48).

Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе (Флп 2:5).

В этой перспективе героизм — не более чем решительность и готовность к личным страданиям ради всеблагой цели, согласной с Божьей волей; это добровольное решение, а вернее, понуждение самого себя к повседневному соработничеству с Божьей волей с осознанием трагического характера своего личного земного бытия. Героизм — это скорее готовность и понуждение самого себя к деланию, но святость осмысляет страдание, придает ему глубокую содержательность и дарует утешение, которое не связано с мирской грустью по поводу отделенности от общества или от привычного уклада жизни:

Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир... Если Меня гнали, будут гнать и вас (Ин 15:18–20).

Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною (Ин 15:26–27).

Готовность (героизм) нельзя отождествлять с истиной и смыслом бытия (святостью). Однако без готовности человек закрыт от Логоса (Божьей истины), а Логос сам по себе не может обожить человека. Античность увидела в героизме важный элемент обретения Бога, она ощутила, драматургически выразила, эстетически возвысила, этически проработала вопрос о святости, но ее не обрела, ибо еще не пришла полнота времен («Когда пришла полнота времен, Бог послал Сына Своего» (Гал 4:4)). Христианство придало смысл античному героизму, отсекло человеческие вымыслы, языческие напластования и осветило мученичество и трагизм светом Христовой жертвы.

Попытка же апеллировать к героям Троянской войны вне Евангелия как к образцам мужественности и эталонам героического — это возврат к идолопоклонству и темноте языческой истории человечества. И напротив, видение в святости умильного сладенького богомольца — это решительное искажение святого деяния как героического превозмогания собственной плоти и собственных хтонических страхов. Бог «есть все» (Сир 44:29); «будет Бог все во всем» (1 Кор 15:28); «один Бог Отец, из Которого все» (1 Кор 8:6). Героизм, освященный Христом, есть такой же неотъемлемый элемент православия, как святой подвижник, героически выступающий против суетности мира, отвергающего Христа.

Насколько же соответствует нашим постулатам картина героизма, распространенная в нашем обществе сегодня?

2. Современное российское общество о героях и святых

Исследование, на данные которого мы опираемся, имеет междисциплинарный характер: в нем участвовали как философы, так и социологи, правда, занимающиеся православной тематикой, но все же вышедшие из определенной научно-академической среды с соответствующей традицией. Это не может не вносить свои коррективы в понятийный аппарат, в саму исследовательскую логику: философ посмотрит на это так, социолог иначе, теолог предложит свои дополнения. Поэтому одной из сложностей как самого изучения, так и изложения полученных результатов является обнаружение смыслов в единой логике при различии объектов и языка задействованных наук. Полностью исключить влияние подобной специфики невозможно, но мы предпримем все усилия, чтобы избежать разноголосицы.

В социологии тема героизма, в отличие от темы героизма и святости в философском и теологическом дискурсах, связана не с понятиями мифа или освящения, а с вполне конкретными, даже приземленными вещами, что в целом соответствует науке, возникшей в пространстве псевдохристианского научного позитивизма, а именно с понятием «социальное отношение». Еще Н. К. Михайловский задал такой вектор в русской социологии, предложив изучать героя и толпу через призму возникающих между этими двумя субъектами отношений. Один «ломает лед», дает направление, другие делают выбор: идти за героем или нет¹¹. Здесь в центре внимания прежде всего поведенческие механизмы, в том числе механизмы социального действия. В современной социологии это находит продолжение, например, в реляционной теории П. Донати¹², который также сосредоточен на отношениях. Мы не будем углубляться в эти идеи, чтобы не

¹¹ Михайловский Н. К. Сочинения: в 6 т. Т. 6. СПб.: Тип.-лит. Б. М. Вельфа, 1885. С. 285.

¹² Донати П. Реляционная теория общества: социальная жизнь с точки зрения социального реализма. М.: Правосл. Св.-Тихон. гуманитар. ун-т, 2019.

уйти в исключительно социологический дискурс, а попробуем взглянуть на отношение и действие через теологическую оптику.

Связь человека с Богом — это всегда отношения, причем сопряженные с понятием свободы. Поэтому наиболее обсуждаемой проблемой отношений Бога и человека всегда была свобода воли (как божественной, так и человеческой). Это особенно актуально в контексте действия божественной благодати и действия самого человека, когда неочевидно, где начинается и кончается свобода обоих участников отношения.

В западном и восточном христианстве проблема свободы воли решалась по-разному. В западном ее решение у католиков, отталкивающихся от классической аристотелевской логики, оформилось в неотомизм с вытекающими отсюда гуманистическими положениями Второго Ватиканского собора 1962–1965 гг.¹³, у протестантов — в отрицание свободной воли человека¹⁴, а у иезуитов — в доктрину совместного действия (Л. де Молина) и в так называемый конгруизм (Ф. Суарес). Иначе говоря, таких решений много, все они разные, по-своему отвечающие на вопрос и тем не менее не снимающие саму проблему.

В восточном христианстве по причине его христоцентричности проблема свободы воли решалась иначе и связывалась прежде всего с трудами прп. Максима Исповедника, богослова и мистика, который «описывает три состояния человеческой природы: 1) исходное, имевшее место до грехопадения; 2) текущее, падшее; 3) будущее, возроденное, которому предстоит реализоваться в конце истории. Для каждого из них характерна своя форма проявления волевого начала»¹⁵.

По сути, Максим Исповедник описывает путь, который, как предполагается, проходит человек от изначально целостной, единой воли, обнаруживающей его свободу, естественное желание к действию, жизни и движению, — к нарушенной в результате грехопадения и поврежденной в своей целостности, гномической, или избирательной, воле, а затем — к восстановленной, совершенной в своем единстве воле в веке будущем.

Основное различие свободы Бога и свободы человека состоит в том, что «Бог волит и действует в совершенной свободе, но именно Он не колеблется и не выбирает... Выбор... предполагает раздвоение и неясность, т. е. неполноту и нетвердость воли. Колеблется и выбирает только грешная и немощная воля»¹⁶. Иными словами, свобода и свобода выбора — не одно и то же с точки зрения восточной традиции христианства, и в определенном смысле свобода выбора не является совершенной. Очевидно,

¹³ Подробнее см.: Лавренова С. А. Достоинство, свобода и права человека: сравнительный анализ учений Римско-католической и Русской православной церквей // Вопросы теологии. 2022. Т. 4, № 1. С. 134–150.

¹⁴ Лютер М. О рабстве воли // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М.: Наука, 1986. С. 349.

¹⁵ Лебедев А. Ю. Проблема свободы воли в восточном и западном христианстве // Вопросы теологии. 2022. Т. 4, № 4. С. 631–632.

¹⁶ Там же. С. 632–633.

что как в свое время Кант писал о чистом и практическом разуме, так и здесь можно говорить о чистой, без различных примесей, и практической, лишенной этой чистоты (под властью греха) свободе, осложненной выбором.

Максимально полно свобода в чистом виде реализуется Христом, в ней нет ни колебаний, ни противоречий, она едина и согласуется с волей Божества (прот. Г. Флоровский). Отсюда и главный тезис восточного христианства: «Достижение состояния свободы воли означает не что иное, как обретение человеком божественных качеств»¹⁷. Соответственно, обожение применительно к святым — это не какая-то абстракция, а вполне конкретная практика, связанная с переходом от свободы выбора к свободе, отражающей свойства и качества Бога. Это становится возможным, когда происходит отказ от своей гномической воли в пользу воли Божьей, что на практике означает отказ от греха как от связывающего и ограничивающего свободу.

Различие в понимании свободы воли в западном и восточном христианстве в итоге привело к тому, что проблема свободной воли стала сводиться к проблеме свободного действия¹⁸. Это нашло отражение в социальных науках, где само действие индивида является основным в изучении социальных процессов и отношений (номинализм М. Вебера и вся последующая традиция).

Действие индивида тем больше стало сегодня считаться свободным, чем теснее оно связано с интересами самого человека, т. е. непосредственно с субъектом действия; иначе говоря, вертикальный вектор сменился горизонтальным. Действие при этом рассматривается индивидуалистически, интерсубъективно, ситуативно («здесь и сейчас»), как проявление аффекта¹⁹, где пассивная сторона человеческой личности в постхайдеггеровской науке играет ключевую роль²⁰.

В этом плане героизм — одно из явлений современности, когда действующий субъект оказывается как раз в пограничном для себя положении выбора между собой (самостью) и другим/другими. Хотя автономизация человека от Бога сегодня существенная, а сам акт выбора совсем (или за редким исключением) не связан с желанием обожения, поиском свободы как свойства Бога, нам представляется важным рассмотреть то, что все еще не исключает другого выбора.

Для этого обратимся к данным эмпирического исследования, в котором приняли участие 1350 чел., в том числе 52,8 % (713 чел.) православных верующих, 19,6 % (266 чел.) атеистов, 10,5 % (141 чел.) мусульман, 8,1 % (109 чел.) тех, кто причислил себя к группе «у меня своя вера», и 8,8 %

¹⁷ Там же. С. 633.

¹⁸ Там же. С. 636.

¹⁹ Массуми Б. Автономия аффекта // *Философский журнал*. 2020. Т. 13, № 3. С. 110–133.

²⁰ Ямпольская А. В. От пассивности к аффективности // *(Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами* / сост. С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. М.: Академический проект, 2014. С. 229–241.

(121 чел.) тех, кого мы отнесли в категорию «другое», куда вошло незначительное число протестантов, католиков и др. При подавляющем большинстве православных верующих, практикующие составили 40,8 % (551 чел.) от всей выборки, не практикующие (не посещающие богослужения, не участвующие в таинствах и пр.) — 47,3 % (638 чел.). Остальные 11,9 % (161 чел.) затруднились с ответом.

Все последующие ответы мы рассматриваем в группе «практикующие / не практикующие верующие» с выявлением связи между практикой веры и выбором, пониманием героя и героического. Для проверки соответствующей связи или ее отсутствия мы используем в качестве критерия Хи-квадрат Пирсона (χ^2), позволяющий коррелировать как количественные, так и качественные данные. Показателем тесной связи является уровень значимости критерия $p < 0,01$, умеренной или незначительной — $p < 0,05$ ²¹. Далее мы представим те данные, где связь оказалась статистически значимой.

В первую очередь связь была обнаружена между значениями следующих показателей: «кого люди считают своими героями» и «практика веры» ($\chi^2 = 114,13$, $p < 0,001$). Иными словами, ответы на вопрос «Кого вы считаете героем?» различаются у практикующих и не практикующих верующих.

Прежде всего, это различия в выборе героя, которого респонденты называли самостоятельно (вариантов ответа не предлагалось). Итак, практикующие верующие чаще, чем не практикующие, вспоминали в качестве героев полководца А. В. Суворова, полководцев вообще (включая советских, например Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского), первого космонавта Ю. А. Гагарина, собственных родственников (родителей, братьев, сестер и т. д.), императора Александра I, князя Дмитрия Донского и, что удивительно, советских политических деятелей (Троцкого, Берия и др.). Именно практикующие верующие указывали в качестве героев действующего президента России В. В. Путина и сотрудников его аппарата.

Христа Спасителя в качестве героя указали всего два практикующих верующих. Святых, включая прп. Сергия Радонежского, к таковым причислили преимущественно не практикующие верующие; в общей сложности их самостоятельно назвали героями 4 % респондентов.

Не практикующие верующие в качестве героев отмечали детей-героев (Матросова, Котика, Казея, Голикова, Портнову), известных советских летчиков, космонавтов и врачей.

Примечательно, что довольно часто и практикующие, и не практикующие верующие (7,6 % и 7,4 % соответственно) упоминали в каче-

²¹ Значение p указывает на то, насколько вероятно, что фактическое количество исходов или качественных характеристик выборки, попадающих в каждую категорию, отличается от теоретического количества, которое можно ожидать в изучаемых группах при справедливости нулевой гипотезы. Если значение p достаточно мало (обычно $p < 0,05$ по соглашению), то нулевая гипотеза отвергается и делается вывод, что наблюдаемые данные не соответствуют мультиномиальному распределению.

стве героя святого князя Александра Невского²² значительно чаще, чем прп. Сергия Радонежского, т.е. героическое прежде всего связывается с военными и политическими деятелями, причем у практикующих верующих подобный взгляд более выражен (их герой, так сказать, ополитизирован). При этом святые связываются с героизмом постольку, поскольку вообще есть память о них; они не занимают первых строчек, что представляется нам симптоматичным, укладываемым в вывод, который мы делали выше: хотя этимологически герой и святость в повседневном языке близкие понятия, между ними есть различия; более того, святость в значении Жертвы Христа привносит смысл в героическое, а не наоборот.

Другая тесная связь обнаруживается между ответами на вопрос «Есть ли у вас в окружении люди, которых можно назвать героями?», и практикой веры ($\chi^2 = 51,32$, $p < 0,001$), т.е. ответы практикующих и не практикующих верующих отличаются: практикующие чаще (68,3%), чем не практикующие (51,8%), опознают героев в своем окружении.

Дополнением к предыдущему в анкете был вопрос «Если такие люди есть в вашем окружении, то кого вы считаете (называете) героями?» Процедура корреляции показала также тесную связь между ответом на вопрос о том, кого из своего окружения респонденты могут назвать героями, и практикой веры ($\chi^2 = 34,94$, $p < 0,001$). Практикующие и не практикующие верующие по-разному отвечали на вопрос, кто из их окружения является героем. Для практикующих это прежде всего человек, мужественно сражающийся с тяжелой болезнью, преодолевающий боль и не теряющий бодрости духа, а также человек, в одиночку воспитывающий ребенка-инвалида, т.е. акцент делается на силе воли самой личности, ее способности справиться с тяжелой ситуацией. Не практикующие верующие в качестве героев из своего окружения назвали следующих людей: оказывающие помощь врач, медсестра/медбрат; честно выполняющие свою работу спасатель МЧС, сотрудник полиции, юрист, адвокат. Герой в окружении не практикующих верующих — это прежде всего человек своей профессии, хорошо, честно выполняющий свою работу, т.е. акцент смещается с личной воли, преодолевающей трудности, в область профессиональных навыков, в этику профессий. Данный результат представляется интересным, так как он вскрывает неоднородность отношения к героическому, показывая тесную связь с практикой веры. Исследования ВЦИОМ, проводившиеся в 2022 г., обнаруживали прежде всего

²² В работе немецкого автора проводится подробный анализ того, как менялось представление о св. Александре Невском в социально-культурной памяти русских в зависимости от политической повестки и конъюнктуры. Это довольно интересно, так как находит свое отражение и в нашем исследовании: кто же он Александр Невский — герой как святой, или как полководец, или как политик? (Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / пер. с нем. Е. Земсковой, М. Лавринович. М.: Новое лит. обозрение, 2007).

героя-защитника (к которым россияне относили и политических деятелей²³), а также героя-профессионала²⁴.

Одинаково большие проценты как у практикующих, так и у не практикующих верующих получил вариант ответа «доброволец, поехавший в зону боевых действий для оказания посильной помощи» (44 % и 46 % соответственно). Это свидетельствует о том, что события последних лет на Украине мало кого оставляют безразличными и для значительной части опрошенных поехавшие в зону боевых действий — герои. Очевидно, что страдающий герой, готовый положить жизнь «за други своя», по-прежнему актуален.

Еще одна значимая корреляция обнаруживается в сопряжении вопросов о том, что такое героизм, и практикой веры ($\chi^2 = 53,43$, $p = 0,001 < 0,01$). Это означает, что ответы практикующих и не практикующих верующих на вопрос о том, что такое героизм, различаются.

Для практикующих верующих героизм — это прежде всего (далее даем ответы в последовательности от максимальных значений к минимальным) спасение, честность, бескорыстие, безвозмездность, любовь к людям. В приведенной ниже таблице сопряженности заметны различия, поэтому неудивительно, что у не практикующих верующих совсем иной выбор, в частности, к героическому отнесены способность совершить подвиг, положительные качества личности, сила духа. Как можно заметить, ответы указывают на разные картины мира: в одной героическое связано с христианскими мотивами, а в другой — скорее с проявлением античного представления о героях, где на первое место выступают сила, доблесть, мужество, стремление к подвигу. Для нас это довольно неожиданный результат, так как предполагалось, что данные будут более сглаженными и что мы не увидим подобных противоположных взглядов, тем более что сама культура российского общества преимущественно христианская.

Тесная связь зафиксирована также между ответами на вопрос «Нужно ли в себе воспитывать героические качества?» и практикой веры ($\chi^2 = 57,65$, $p = < 0,001$), т. е. ответы практикующих и не практикующих верующих о необходимости воспитывать героические качества значимо различаются (см. табл.).

Различия состоят прежде всего в следующем: практикующие верующие не сомневаются в том, что безусловно нужно воспитывать в себе и в детях героические качества, тогда как не практикующие испытывают затруднения. У последних все же есть сомнения и вопросы. Для нас подобная позиция особенно интересна в контексте планируемого исследования,

²³ Итоги 2022: события, герои, планы на новогодние праздники // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/itogi-2022-sobytiya-geroi-plany-na-novogodnie-prazdniki> (дата обращения: 04.12.2024).

²⁴ Герои России: вчера и сегодня // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-rossii-vchera-i-segodnja> (дата обращения: 04.12.2024).

Таблица. Представления о необходимости воспитания героических качеств в себе и в детях среди практикующих и не практикующих верующих в 2023 г., %

Нужно ли воспитывать в себе и в детях героические качества (потребность быть героем)?	Верующие	
	Не практикующие (638 чел.)	Практикующие (551 чел.)
Точно нет	4,7	3,3
Скорее нет	9,5	4,2
Затрудняюсь ответить	18,5	10,2
Скорее да	34	29
Безусловно да	33,3	53,3

посвященного изучению святости в обществе, в котором одной из задач как раз является выяснение, можно ли научиться святости и можно ли ее воспитать.

Заключение

Предложенные нами постулаты, находящиеся на грани философского и теологического подходов, достаточно интересно распределились по результатам социологического опроса.

Первый постулат («Герой — это всегда страдалец») подтвердился в выборе, например, фигуры Александра Суворова (полководца, много пострадавшего от власти, юродствовавшего в глазах современников): 10,3 % не практикующих верующих и почти 14 % практикующих самостоятельно отнесли его к героям. Это место не занял Федор Ушаков — флотоводец, причисленный к лику святых (праведный воин), достаточно благополучный в отношениях с властью, с устроенным бытом и т. п. Его как героя упомянули 2,5 % не практикующих и 2,1 % практикующих верующих. Об этом же говорит выбор практикующими верующими в качестве героев близких, мужественно борющихся со своими болезнями, но не выбор иной группы респондентов, отдавших голоса за героев, исполняющих свой долг (врачи, сотрудники МЧС, пожарные и т. п.).

Что касается *второго постулата* («Герой — это всегда трагическая фигура»), то здесь показателен выбор Александра Невского. Князь — свидетель уничтожения могущества Руси, вынужденный идти на утрату своего политического авторитета в глазах современников за союз с Ордой, отстоявший Новгород и Псков в битвах с католическим Западом и не раз получавший оскорбления от им же спасенных русичей. Князь, погибший далеко от дома, возвращаясь из очередной унижительной дипломатической поездки. Неслучайно, например, что именно фигура святого Александра Невского стала символической, объединяющей в годы Великой Отечественной войны, сгладившей на время противоречия между атеистическим государством и народом.

Третий постулат («Герой — это фигура, отделенная или отделяемая от общества, полиса, семьи, истории, здравого смысла») также нашел свое выражение в таких фигурах, как родитель, не бросающий ребенка-инвалида, а посвящающий ему всю жизнь; дети-герои, выпадающие из представления о благополучном детстве, и т. п.

Героизм может быть освящен, и практикующие верующие высказались об этом со всей очевидностью, когда обозначили признаки истинного героизма: спасение, честность, бескорыстие, безвозмездность, любовь. Не практикующие верующие продемонстрировали иную линейку признаков, роднящих героизм с мифологически-языческими характеристиками, свойственными скорее для Геракла: способность совершить подвиг, положительные качества личности, сила духа. Такой расклад подтверждают и ответы на вопрос о том, нужно ли воспитывать в себе и в детях героические качества (потребность быть героем). Если герой — это тот, кто рожден героем, кто обречен стать героем, т. е. мифический полубог, то зачем в себе воспитывать героизм? А если героизм — это дар быть соратником Бога, то, конечно, пестовать героическое нужно.

Различие между человеческим героизмом и святостью, идущей от Бога, подтверждается упорным нежеланием респондентов относить святых к категории героев, где человеческое героическое меркнет на фоне феномена святости и ни при каких обстоятельствах не может затмить факт вторичности героического в фигурах Сергея Радонежского и уж тем более Христа (их назвало героями ничтожно малое количество практикующих верующих респондентов). Следовательно, мы предполагаем наличие разрыва в понимании героя и героического в ментальности практикующих верующих и не практикующих верующих граждан РФ. В последнем случае, вероятно, происходит попытка секуляризации гражданского подвига, что совершенно невозможно с точки зрения верующего. Социологическое исследование показало влияние советского прошлого на ответы респондентов, в том числе практикующих верующих; это свидетельствует о том, что и героизм, и святость формируются в рамках исторического контекста, помимо имеющейся античной или христианской традиции, и это нельзя не учитывать.

Статья поступила в редакцию 31 июля 2023 г.;
рекомендована к печати 23 августа 2024 г.

Контактная информация:

Шевченко Олег Константинович — д-р филос. наук, доц., академик РАЕН;
<https://orcid.org/0000-0002-3450-6494>, skilur80@mail.ru
Подлесная Мария Александровна — канд. социол. наук, вед. науч. сотр.;
<https://orcid.org/0000-0002-2159-4958>, yamap@yandex.ru

Heroism and holiness in the aspect of Orthodox theology

O. K. Shevchenko¹, M. A. Podlesnaia²

¹ V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4, ul. Akademika Vernadskogo, Simferopol, 295007, Russian Federation

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
5, ul. Bol'shaya Andronëvskaya, Moscow, 109544, Russian Federation

For citation: Shevchenko O. K., Podlesnaia M. A. Heroism and holiness in the aspect of Orthodox theology. *Issues of Theology*, 2024, vol. 6, no. 4, pp. 642–658.
<https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.407> (In Russian)

In the article, the authors formulate three universal postulates of the connection between the heroic and the sacred, characteristic of any European culture from Antiquity to the present day: “A hero is always a sufferer”; “A hero is always a tragic figure”; “A hero is a figure separated or separated from society, policy, family, history, common sense”. In Christianity (as in Hellas, Ancient Rome or Islam), these three postulates acquire their semantic texture. Heroism is comprehended as nothing more than determination and readiness for personal suffering for the sake of an all-good goal overshadowed by God’s will. A voluntary decision, or rather a compulsion of oneself to daily cooperation with God’s will with the awareness of the tragic result of one’s personal earthly existence. Heroism is rather a willingness and a state of compelling oneself to do. But holiness comprehends suffering, gives it deep content and consolation, which is higher than the worldly sadness of separation from society or the usual way of life. Postulates, hypotheses and intermediate conclusions are tested on the empirical material of the All-Russian survey conducted in 2023 (eight federal districts of the Russian Federation, 1350 respondents). Particular attention is paid to the answers of two categories of respondents: practicing (551) and non-practicing (638) believers.

Keywords: hero, heroism, saint, holiness, ancient hero, holy ascetic of Christianity, free will, relationship between God and personality, relationship between man and man.

References

- Dal' V.I. (1989) *Explanatory dictionary of the living great Russian language*. Available at: <https://gufo.me/dict/dal> (accessed: 09.12.2024). (In Russian)
- Didkovskaya V.G. (2019) “Feat, devotee, hero”, in *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (20), pp. 28–32. (In Russian)
- Donati P. (2019) *Relational theory of society: Social life from the point of view of social realism*. Moscow, Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet Publ. (In Russian)
- Geffken J., Ziebart E., eds (1914) *A real dictionary of classical antiquities*. Teubner. Available at: <https://rus-classic-antiquities.slovaronline.com/2049-HEROY> (accessed: 04.12.2024). (In Russian)
- Krylov G. A., comp. (2005) *Etymological dictionary of the Russian language*. St. Petersburg, Poligrafuslugi Publ. (In Russian)
- Lavrenova S. A. (2022) “Dignity, freedom and human rights: A comparative analysis of the teachings of the Roman Catholic and Russian Orthodox churches”, in *Issues of Theology*, vol. 4, no. 1, pp. 134–150. <http://doi.org/10.21638/spbu28.2022.107> (In Russian)
- Lebedev A. Yu. (2022) “The problem of free will in Eastern and Western Christianity”, in *Issues of Theology*, vol. 4, no. 4, pp. 619–639. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2022.405> (In Russian)

- Losev D. V., Malenko S. A., Nekita A. G. (2019) “The mythological basis of the superhero genre in American cinema”, in *Mif v istorii, politike, kul'ture: sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii, Sevastopol', 26–27 iunია 2019 g.* Eds O. A. Gabrielyan, A. V. Stavitsky, V. V. Khapaev, S. V. Yurchenko, pp. 154–157. Sevastopol, Filial Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova v gorode Sevastopole Publ. (In Russian)
- Luther M. (1986) “On the bondage of the will”, in Erasmus of Rotterdam. *Philosophical works*, pp. 290–545. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Massumi B. (2020) “Autonomy of affect”, in *Filosofskii zhurnal*, vol. 13, no. 3, pp. 110–133. (In Russian)
- Mikhailovsky N. K. (1885) *Essays*. In 6 vols, vol. 6. St. Petersburg, Tipo-litografiia B. M. Vel'fa Publ. (In Russian)
- Mineralova I. G. (2020) “Holiness and heroism in the lyrics of the Great Patriotic War”, in *VIII Paskhal'nye chteniia: materialy Vosemnadtsatoi Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, Moskva, 24–25 apreliia 2020 g.*, pp. 3–19. Yaroslavl, Litera Publ. (In Russian)
- Naidysh V. M. (2023) “Hellenic theology of the epoch of High Classics”, in *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriia: Filosofiia*, vol. 27 no. 1, pp. 79–93. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-1-79-93> (In Russian)
- Rastimeshina T. V. (2010) “Hero and saint — multidirectional vectors of improvement”, in *Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi akademii delovogo administrirovaniia. Seriia: Filosofskie, sotsial'nye i estestvennye nauki*, no. 1, pp. 86–100. (In Russian)
- Ryzhov V. A. (2023) “Geography of Russian epics of the Kyiv cycle”. *Voennoe obozrenie*. Available at: <https://topwar.ru/202586-geografija-russkih-bylin-kievskogo-cikla.html> (accessed: 04.12.2024). (In Russian)
- Schenk F. B. (2007) *Alexander Nevsky in Russian cultural memory: Saint, Ruler, national Hero (1263–2000)*. Transl. from German by E. Zemskova, M. Lavrinovich. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
- Semenov P. A. (2021) “Hero and saint in the Russian picture of the world of the 13th century (to the 800th anniversary of Alexander Nevsky)”, in *Perevod. Iazyk. Kul'tura: materialy XII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 28–29 maia 2021 g.*, pp. 6–12. St. Petersburg, Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A. S. Pushkina Publ. (In Russian)
- Yampolskaya A. V. (2014) “From passivity to affectivity”, in *(Post)fenomenologiia: novaia fenomenologiia vo Frantsii i za ee predelami*. Comp. by S. A. Sholokhov, A. V. Yampolskaya, pp. 229–241. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)

Received: July 31, 2023

Accepted: August 23, 2024

Authors' information:

Oleg K. Shevchenko — Dr. Sci. in Philosophy, Associate Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-3450-6494>, skilur80@mail.ru
 Mariia A. Podlesnaia — PhD in Sociology, Leading Researcher; <https://orcid.org/0000-0002-2159-4958>, yamap@yandex.ru